

«Остервенение народа, Барклай, зима иль русский бог?»

С тех пор как из под пера российского гения вышли эти строки, многие отечественные исследователи «грозы двенадцатого года» пытались дать ответ на поставленный им вопрос. Со свойственной гениям лаконичностью А. С. Пушкин перечислил здесь почти все «слагаемые» российской победы: Барклай ассоциируется прежде всего с отступательной «скифской» тактикой, но также и с партизанской войной, «зима» — это российские природно-климатические особенности, «русский бог» — это религиозная пропаганда, а развязанная с ее помощью беспощадная народная война — это и есть «остервенение народа». Могут заметить, что здесь не хватает двух важных имен, однако не подлежит сомнению, что «зачинатель» Барклай лишь исполнял волю своего монарха, которого великий поэт обоснованно недолюбливал, но к которому был не объективен, а Кутузова он считал лишь «продолжателем» дела, начатого Барклаем — он должен был дать войне «русское имя». Как заметил В. Н. Земцов, пушкинские строки и «сегодня кажутся столь же актуальными, как в первой половине XIX или в конце XX в. Историки вновь ищут, как подойти к *проблеме убедительной акцентировки причин* поражения нашествия «двунадесяти» европейских языков на Россию: роли и места в этом поражении «остервенения народа», пожара Москвы, роли русской армии, Александра I, воздействия природных факторов, военно-оперативных и политических просчетов Наполеона и т. д.»ⁱ

Прежде чем рассуждать о причинах победы России, необходимо как можно точнее определить масштабы катастрофы, постигшей неприятеля.

Исследователи давали различные ответы на этот вопрос, но самые близкие к истине расчеты сделал М.В. Кукель, который использовал наибольшее количество документальных источников. Всего в Великой армии насчитывалось почти 675 тыс. человек, в том числе 620 тыс. «комбатантов», находившихся под ружьем. Но это число не определяет точно численности войск, которые перешли российскую границу, так как включает войска, которые так и не двинулись с оккупированных германских территорий. С другой стороны, эта цифра не охватывает по большей части маршевых частей, которые подходили в течение войны, других подкреплений и литовских формирований. Насколько можно верить рапортам, в начале кампании границу пересекли более 430 тыс. человек. К этому следует прибавить численность войск второго эшелона и пополнений — около 115 тыс. человек. Таким образом, общее число войск, использованных на российской территории составило не менее 545 тыс., к которым следует прибавить около 15 тыс. литовцев; в итоге получается 560 тыс. человек, сражавшихся на стороне Наполеона в Россииⁱⁱ.

Что же случилось с этой огромной армией? По подсчетам Ф. Ребуля, из корпусов Главной армии за Неман вернулось около 30 тыс. человекⁱⁱⁱ. Из войск, оперировавших на флангах, возвратилось примерно 64 тыс. воинов. К ним следует прибавить большое число людей, возвратившихся отдельно, многих раненых, эвакуированных в ходе кампании, и солдат, отосланных в качестве кадров. Учитывая это, Кукель определил число спасшихся из России в 100 тыс. человек^{iv}. Итак, из России не вернулось 400 тыс. солдат и офицеров и еще неизвестное число гражданских лиц^v. Таким образом, потери составили 80% использованных сил, и потери эти были безвозвратные.

Кто бы мог перед началом войны, при двукратном превосходстве в силах Великой армии над тремя российскими, сомневаться в победе Наполеона, почти единодушно признаваемого современниками, в том числе и его противниками, гениальным полководцем? «Все средства успеха были в наших руках», — писал генерал П. Бертезен. «Мир поразился бы результатам, — говорил генерал Ф. Роге, — а история вероятно не нашла бы подходящих слов, чтобы прославить нас». Современный историк пишет: «Полмиллиона солдат, тысяча орудий, бесчисленные обозы. Кто тогда мог бы обвинить Наполеона в том, что он верил в свою непобедимость? Возможно, что это впечатляющее зрелище ослепляло его настолько, что он терял чувство реальности сложившейся ситуации»^{vi}.

Впрочем, уже некоторые современники указывали на слабые стороны в величественном

здании Великой армии — молодость и недостаток боевой подготовки большей части солдат, недостатки полководцев, нежелание большинства союзников воевать, но прежде всего упущения в материальной подготовке кампании. Наполеон совершил в этом плане исполинские дела, он понимал необходимость заложения магазинов и организации поставок продовольствия в больших объемах. Однако его усилия оказались не на высоте задачи. Он слишком много рассчитывал на реквизицию местных запасов, не обеспечил достаточного регулярного снабжения, необходимой подвижности обозов с продовольствием, не решил проблем помола зерна и выпечки хлеба, фатально пренебрег сбором фуража. В этих недостатках материальной подготовки кампании лежит главная, хотя и не единственная причина разложения армии уже во время концентрации, а также огромных не боевых потерь с первых дней войны.

Вообще среди историков наблюдается *довольно странная тенденция — непременно отыскать некую единственную или, по крайней мере, главную первопричину* известного исхода войны. Так, в западной литературе на эту роль выдвигали природно-климатические условия России (бескрайние пространства и пресловутый «генерал Мороз»). Эта точка зрения базировалась на официальных наполеоновских бюллетенях и свидетельствах мемуаристов. Русская дворянская историография выводила на первый план мифические «единение сословий» вокруг престола и церкви и «промысел божий». «Не нам, не нам, а имени Твоему» — гласила надпись на памятной медали. В советской литературе стали «поклоняться другому идолу», и главным победителем нашествия был беспепелляционно объявлен народ, на том простом (точнее, простецком) основании, что крестьянство составляло 96% населения России^{vii}. Нет нужды доказывать, что подобный примитивный арифметический подход к анализу сложнейшего исторического процесса к науке отношения не имеет.

Последнюю по времени попытку подобного рода — отыскать *самую главную первопричину* гибели нашествия — предпринял О.В. Соколов, которого всегда волновал вопрос: «Как получилось, что армия с высокими морально-боевыми качествами превратилась в жалкую кучку оборванных деморализованных беглецов за время не слишком долгого отступления из России?» В попытке ответить на него Соколов применил метод, известный у скульпторов под названием «отсечение всего лишнего». Прежде всего, он отверг мнение французских историков о том, что главной причиной был ужасающий мороз: «Когда начались настоящие холода — в самых последних числах ноября — начале декабря, — от Великой армии оставались в основном лишь жалкие кучки бредущих без строя и дисциплины, а часто и без оружия, людей».

Далее Соколов «отсекает» распространенное в советской литературе мнение, будто «Великую армию разбили партизаны и преследующие ее по пятам русские войска». «Партизаны и казаки, — писал он, — действительно нанесли большой урон отступающим, но те, кого они били и брали в плен, были в подавляющем большинстве группами деморализованных, отбившихся от армии солдат, зачастую невооруженных. Все источники сходятся в том, что казаки никогда серьезно не атаковали идущие в порядке, готовые к отражению нападения воинские части». «Куда более важным фактором, воздействовавшим на отступавших, — считает Соколов, — была регулярная русская армия. Она нанесла серьезные удары по неприятелю под Вязьмой, Красным и Березиной... но и здесь значительная, если не самая главная, часть потерь приходилась не на организованные части, а на деморализованные толпы, шедшие за армией». Автор справедливо напоминает, что «боевые действия разворачивались не только на главном — Московском — направлении, но и на флангах, где русская армия и казаки ничуть не меньше, если не больше, наседали на отступающего неприятеля». Однако фланговые корпуса понесли гораздо меньший урон, чем центральная армия, следовательно, «главной причиной катастрофы была не русская армия, которая била отступающие толпы полувооруженных людей, не казаки, не партизаны и не мороз».

Соколов напомнил, что «выдающийся *русский* ученый Е. В. Тарле» главной причиной развала армии «считал голод, который преследовал французов с самого выступления из Москвы». «Нет сомнения, — подчеркивал Соколов, — что данный фактор сыграл огромную роль в процессе разложения главных сил Великой армии», но и это объяснение кажется ему неудовлетворительным на том основании, что армия шла от Малоярославца до Смоленска всего две недели и могла питаться кониной. Причина же, по мнению автора,

заклучалась в «неуловимом, но всеильном моральном факторе». «Холод, голод, наскоки казаков и натиск регулярных сил русской армии, воздействовали на все соединения Великой армии. Конечно, в разной степени, но все же различия были не столь велики, как результат». По мнению Соколова, главное отличие — это пожар Москвы: «Именно этот фактор по нашему глубокому убеждению, явился тем мощным ударом, от которого действительно не смогла оправиться Великая армия». Пожар привел к деморализации армии, к падению в ней дисциплины и морального духа. При отступлении все больше солдат покидали ряды, и эта безоружная толпа, «как гангрена, постепенно охватывала все новые и новые части войска». «Таким образом выходит, — заключил Соколов, — что *первопричиной катастрофы* Великой армии во время ее отступления был московский пожар, который, заразив армию стяжательством, подорвал ее дух. Враг внутренний, проникший в души солдат, оказался более сильным, чем неприятель и стихии, которые били по уже морально подкошенным людям»^{viii}.

Логика в рассуждениях Соколова, разумеется, есть, но есть и передержки, которые не позволяют принять его окончательный вывод. Автор часто противоречит сам себе. Партизаны, казаки и регулярные войска громили не только толпы «изолированных», но и боеспособные корпуса неприятельской армии. Достаточно напомнить о сражениях при Вязме, на р. Вопь, у села Ляхово, при Красном. Выдвигая на роль «первопричины» гибели всей Великой армии пожар Москвы, он «на время забывает», что этот фактор воздействовал только на центральную ее группировку. Безусловно, пожар «первопрестольной» был одной из важнейших причин деморализации *центральной* группировки, но далеко не единственной. Ослабление и, в определенной мере, разложение Великой армии начались задолго до Москвы.

Более объективным является подход В. Земцова, который убежден, что «только сочетание этих трех факторов (незабвенной победы под Бородином (Чьей? — А. П.), пожара Москвы и русских пространств и морозов при отступлении) смогло, в соединении с героизмом русской армии и твердостью русского императора, привести к полному поражению наполеоновской армии»^{ix}. Как видим, автор назвал пять причин, приведших к гибели нашествия. Мы также убеждены, что победу России в той войне и гигантскую катастрофу европейского «ополчения» нельзя объяснить какой-то одной единственной первопричиной. *Катастрофу подобного масштаба мог породить только целый комплекс причин*. Все они в принципе известны, и, как метко заметил Земцов, проблема состоит именно в их «акцентировке», т. е. *в определении степени важности каждой из них*. Рассмотрим каждую из них в отдельности, расположив в хронологическом порядке и пытаясь по возможности определить степень их значимости.

1. Поскольку в первые месяцы войны русские армии отступали, то первым по времени фактором, *наиболее отрицательно* влиявшим на состояние Великой армии следует признать *отступательную тактику в сочетании с уничтожением всякого рода запасов*. Сразу скажем, что стратегия и тактика, примененная русскими, себя оправдали. Барклай можно обвинить в некоторых тактических ошибках, но стратегический расчет был верен. Правда, из-за исходного неравенства сил победа далась более дорогой ценой, ибо пришлось пожертвовать не только ненадежным «предпольем» (недавно завоеванными польскими провинциями), но и рядом областей коренной России. Причем в Смоленской и Московской губерниях «скифская тактика» ужесточилась до степени «тактики вызженной земли». Заданный русским командованием «алгоритм» ведения боевых действий привел к тому, что с собственно русскими землями оно обошлось даже более сурово, чем с изменившимися польскими провинциями, где, кстати, «скифская тактика» встретила противодействие местного населения^x.

Применение по отношению к русским губерниям «истребительной тактики» является наиболее трагичной страницей той войны, так же как и судьба российских военнопленных, из-за этой тактики заведомо обреченных на голодную смерть. Наверняка зная об их жутком положении, Кутузов отказывался произвести обмен пленными. Как видим, известный принцип «мы за ценой не постоим» был характерен для российского менталитета с давних времен. Общая сумма материальных потерь России от войны составила более 1 млрд. руб.^{xi} При этом нужно отдавать себе отчет в том, что добрая половина материальных богатств была уничтожена самими же русскими.

С. В. Шведов назвал тактику русского командования «передовым военным

искусством», которое использовало «большие жертвы как эффективное средство борьбы»^{xii}. Спору нет, русская тактика оказалась весьма эффективной, но с подобной оценкой трудно согласиться, ибо, согласно одному из постулатов военного искусства, *талант полководца определяется именно тем, чтобы с наименьшими для себя потерями одолеть противника*. Просто в тогдашней ситуации у русского командования не было иного способа одолеть своего великого противника, кроме как вести «войну необыкновенную», «истребительную», т. е. сознательно идя на огромные материальные и людские жертвы. Называть же такой способ ведения войны «передовым» язык не поворачивается, к тому же он уже применялся в древности скифами и парфянами. Впрочем, здесь мы вступаем на «зыбкую почву» не столько исторических, сколько эмоционально-патриотических оценок, где можно воспевать самопожертвование народа, его непримиримость к противнику, мужественную решимость ради победы идти на величайшие жертвы и т. д. и т. п. Для многих наших соотечественников подобный способ ведения войны является предметом особой «гордости великороссов». Но историк, обязанный быть *объективным*, не может уклониться от вопроса о «цене победы», тем более что сами участники войны задумывались над этим^{xiii}.

2. Точно также с первых недель войны на неприятеля начал воздействовать такой фактор, как *бескрайние российские просторы*, слабая населенность страны, ее относительная бедность и такая «достопримечательность», как дороги, а точнее, «направления». Именно на учете этих обстоятельств и строились русские планы, ибо только при наличии больших пространств и можно было успешно осуществлять «скифскую тактику»^{xiv}. Отступление русских армий потребовало от противника проведения форсированных маршей, которые чрезвычайно ослабили ряды наступавших, удалив их от обозов с продовольствием. Небоевые потери в несколько раз превысили потери в боях. Конечно, десятки тысяч отставших позднее вернулись в свои части в составе маршевых полков, но время-то было упущено. К тому же за счет выделения пяти корпусов на фланги была ослаблена центральная группировка Великой армии. Для ясности обратимся к потерям Великой армии. Она лишилась 50% личного состава еще до Смоленска! *Следовательно, «глобальное» ее ослабление произошло еще до широкого развертывания партизанской войны и организации народного сопротивления, и главными «виновниками» этого стали отступательная тактика Барклай и российские пространства*. Незначительный процент боевых потерь неприятеля следует поставить в заслугу российской армии, а вот партизанские действия были тогда лишь эпизодическими.

Подчеркнем, что оба названных фактора воздействовали на Великую армию с самого начала и до конца войны, ибо неприятелю пришлось проделать из Москвы до границы такое же расстояние, причем в условиях гораздо более сложных, а партизаны продолжали уничтожать или захватывать запасы, но теперь уже в магазинах, собранных неприятелем.

3. Таким же «постоянно действующим», а точнее, противодействующим фактором для наполеоновских войск была *российская армия*, хотя степень и масштабы ее сопротивления в течение кампании менялись, постепенно нарастая. Напомним, что именно разгром русской регулярной армии был главной целью Наполеона, что именно она была главным «объектом» воздействия противника, что именно ради ее спасения Барклай пожертвовал Смоленском, а Кутузов — Москвой, что именно из ее рядов выделялись партизанские партии и «летучие корпуса», являвшиеся, так сказать, «иной ипостасью», той же армии. Партизанская война не есть нечто, по сути отличающееся от армии, а лишь иной способ действий все той же регулярной армии. Не кордоны и ополчения противостояли Великой армии на полях сражений, а регулярная армия. Именно она нанесла противнику самые большие *боевые* потери и изгнала из пределов империи.

4. *Народная война* была развернута лишь на территории коренной России и в Малороссии, но значение ее в отечественной историографии было непомерно раздуто, особенно в советские времена, когда она была отождествлена с партизанской войной и с помощью фальсификаций была «развернута» от самой границы. Ополчения и кордоны были созданы в нескольких губерниях, но реально в стычки с фуражирами и мародерами вступали только кордоны и ополчения Калужской, Смоленской, Московской, Владимирской и Черниговской губерний. Именно они помогли русской армии и партизанам ослабить «экспедиционную армию» противника, дошедшую до Москвы.

Рязанское, Тверское. Тульское и Ярославское ополчения, по выражению С. В. Шведова,

«не вели активных боевых действий, но, обладая значительной потенциальной силой, стабилизировали внутреннее положение в своих губерниях, чем способствовали проведению мероприятий по снабжению армии и проведению рекрутского набора»^{xv}. В советской литературе была безосновательно завышена боеспособность губернских ополчений, что прямо противоречит показаниям источников. Шведов верно заметил, что «в бою эти войска не представляли боевой ценности. На этот счет существует множество высказываний»^{xvi}. Точно также нельзя преувеличивать боеспособности кордонов. Из-за слабого вооружения и отсутствия военного опыта они не могли в одиночку противостоять даже небольшим отрядам фуражиров и мародеров. Повсюду кордоны были усилены казачьими полками, партизанскими партиями, ополчениями и небольшими отрядами регулярных войск.

По нашим приблизительным подсчетам, в Смоленской губернии произошло более 60 стычек на кордонах. Треть из них приходится на кордоны Сычевского уезда, которые, правда, почти половину боев провели в Вяземском уезде. Более 20 стычек произошло в Московской губернии, и особенно активно сопротивлялись кордоны Богородского уезда, где отличился Г. Курин. Но особенно тяжело пришлось кордонам Калужской губернии, где имели место более 100 боевых столкновений, из которых больше половины пришлось на Мосальский уезд, около 40 — на Медынский, более 10 — на Боровский. На кордонах прочих губерний столкновения с неприятелем были *единичными*. По подсчетам В. Бессонова, на кордонах Калужской губернии было взято в плен 1400 человек и 2200 убито, т. е. общие потери неприятеля составили 3600 человек. Известно, что кордоны Сычевского уезда к середине октября взяли в плен 799 человек. Учитывая, что они еще несколько дней сражались в Вяземском уезде, эту цифру можно довести до тысячи неприятелей, включая убитых. Более 500 человек было убито и пленено в Рославльском уезде. Даже если учесть приводимые в литературе, но ничем не подтвержденные цифры неприятельских потерь в уездах Рузском (более тысячи человек) и Звенигородском (более 2 тыс. человек), то общая цифра будет едва превышать 7 тыс. человек. Принимая во внимание то, что на кордонах всех прочих уездов речь шла о десятках, реже сотнях убитых и пленных неприятельских солдат, можно, с большой долей условности, говорить о 10—12 тыс. безвозвратных потерь, которые нанесли противнику кордоны всех названных губерний.

Итак, народная война была географически и хронологически ограничена. Не было ни единого выступления всего народа против завоевателя (случаи коллаборационизма были не только в Литве и Белоруссии, но и в России), ни единения сословий. К тому же другой вид социальной активности крестьянства — бунты — вовсе не способствовал борьбе с противником, как уверяли советские писатели, а, напротив, мешал этой борьбе. Нельзя также преувеличивать уровень «политической сознательности» крестьянства — оно воспринимало действительность лишь на уровне религиозном и, так сказать, «местечковом».

5. С сентября месяца русское командование значительно расширило масштабы *партизанских действий* на всех театрах войны, хотя наибольшего размера они достигли на «московском направлении». Здесь сам противник растянул и тем самым ослабил свои коммуникации, а русская армия заняла весьма удобную фланговую позицию. Здесь же находилась большая часть русской легкой кавалерии, более всего пригодной для ведения подобного рода боевых действий. Наконец, именно в коренных русских губерниях население было непримиримо настроено к захватчикам, что весьма благоприятствовало действиям партизан. По нашим приблизительным подсчетам, партизанские партии и летучие корпуса имели около 300 боевых столкновений с неприятелем, причем львиная доля их приходится на октябрь и ноябрь. Из этого количества боев примерно 15% пришлось на армии Торماسова и Чичагова, 3% — на корпус Эртеля, 9% — на корпус Витгенштейна, 76% — на Главную армию. Приведенная нами цифра при дальнейших исследованиях может немного возрасти, но абсолютно точной она не сможет стать никогда из-за состояния источников. При этом мы полагаем, что процентное соотношение стычек на разных театрах войны серьезно не изменится. Потери, нанесенные неприятелю партизанами, определить крайне сложно, особенно из-за бытовавшего обычая несусветно завышать количество убиенных «супостатов». Но, безусловно, речь должна идти о нескольких десятках тысяч человек, включая пленных.

Следовательно, партизанские действия сыграли гораздо большую роль, чем народная

война, по степени организованности и боеспособности, по продолжительности действия и по масштабам. Но и ее значения нельзя преувеличивать. Против партизан лишь дважды выделялись крупные силы (против Винценгероде у Витебска, против Дорохова у Перхушково). Они действовали в основном против небольших отрядов. Правда, во время наступления значение партизанских отрядов существенно возросло в связи с ослаблением кавалерии и артиллерии противника. Тогда партизаны стали нападать и на более крупные отряды. Основную роль все же сыграла армия, но при важнейшей поддержке (в самый трудный для нее период наибольшего ослабления после тяжелейших бородинских потерь) партизан, кордонов и части ополчений.

Поскольку партизанские действия в западных губерниях велись русскими в несравненно меньших масштабах, нежели в коренной России, и народного сопротивления там не было, то и состояние кавалерии и артиллерии фланговых неприятельских корпусов было значительно лучше, чем «Московской армии». Именно кавалерия 2-го и 9-го армейских корпусов покрыла себя «славой» на берегах Березины и во многом способствовала спасению остатков наполеоновской армии.

6. Постоянно воздействовал на Великую армию и *голод*. Он начался вовсе не в Москве, а с самого начала войны, и во время отступления обострился до крайней степени. Но следует подчеркнуть, что голод не был некоей самостоятельной субстанцией, невесть откуда свалившейся на неприятельскую армию. Он был всего лишь *следствием*, во-первых, ошибок, допущенных Наполеоном при подготовке кампании, и, во-вторых, проводимой русскими «истребительной», народной партизанской войны. Пожалуй, именно в этом *косвенном эффекте* и состояло главное значение партизанской и народной войны. Его невозможно выразить в цифрах, однако понятно, что именно из-за ослабления голодом «экспедиционная армия» катастрофически быстро «растаяла» на пути от Можайска до Смоленска.

7. То же самое нужно сказать и о *пожаре Москвы*, который явился прямым продолжением и своего рода логическим завершением «скифской тактики». Только инициатором на сей раз был не Барклай, а Ростопчин, и исполнителями — не казаки, а выпущенные из тюрем преступники под руководством полицейских чинов. Несомненно, что пожар Москвы отрицательно сказался на боевом духе «экспедиционной армии», ибо измученные далекими переходами и тяготами солдаты ожидали, что в этом городе их ожидает конец войны. Теперь оказалось, что для русских вой на еще только начинается, о чем они неоднократно извещали своего противника^{xvii}. Пожар показал, что русский царь не пойдет на заключение мира, а значит, впереди — продолжение войны, чего не желали ни Наполеон, ни его солдаты. Почти всем стало ясно, что цель, к которой так упорно стремились, недостижима. В этом состоял главный «психологический» удар, нанесенный пожаром «первопрестольной».

П. Андреев писал, что «московский пожар разложил и деморализовал французскую армию. Мародерство французской армии в опустевшей и сожженной Москве, усилив процессы разложения, поставило ее на краю гибели. Это не совсем точно, ибо мародерство солдат Великой армии возникло с самого начала войны. Продовольствия для войск, находившихся в Москве, действительно хватало, чего не скажешь про войска, выдвинутые к Тарутино. Но вот фуража для лошадей хронически не хватало ни там, ни тут, и это было прямым следствием партизанской и народной войны. В результате «экспедиционная армия» почти полностью лишилась кавалерии и артиллерии. Чтобы быть точным, подчеркнем, что терять конский состав Великая армия начала с самых первых дней войны, что было тогда следствием «скифской тактики» Барклая.

8. Необходимо также учитывать *ошибки, допущенные Наполеоном*. Язвительный, но объективный Н. Н. Раевский 10/22 декабря написал о Наполеоне: «Дорого заплатил он за ошибки свои! И ошибки его не есть ошибки великого воина!»^{xviii} Действительно, в 1812 г. наглядно обнаружилась главнейшая проблема Наполеона, состоявшаяся в том, что он должен был соединять в себе две различные «ипостаси» — политика и полководца.

По мнению Д. Маркхэма, Наполеон в России допустил следующие просчеты. Во-первых, «он недооценил своего противника — царя Александра I», хотя тот выразил свою непреклонность «в достаточной мере ясно через Коленкура». Во-вторых, он слишком долго задержался в Вильно (18 дней), надеясь, что Александр заговорит о мире. В третьих, «еще семь дней он бездействовал в Смоленске. Из-за этих двух задержек он окончательно

лишился права на ошибку». В четвертых, не использовав гвардию в Бородинском сражении, он лишился возможности одержать решающую победу, а вместе с ней и последнего шанса на заключение мира. Наконец, третье промедление в Москве (35 дней) оказалось фатальным. Итак, главные ошибки Наполеона — «его нерешительность и промедление». При этом Маркхэм отверг обвинения Наполеона в непомерных амбициях и потере чувства реальности^{xix}.

Все эти замечания высказывались давно современниками и историками, но они требуют некоторого уточнения и, так сказать, «ранжирования». Первая ошибка была допущена Наполеоном еще в ходе подготовки кампании, и заключалась она в несоответствии собранных им громадных людских масс и материальных средств с одной стороны, и средств их пропитания и транспортировки, с другой. Напомним его слова, сказанные военному министру: «Я планирую великую экспедицию. Людей я достану достаточно легко. Трудность в том, чтобы подготовить транспорт». Не менее сложным оказалось организовать питание такой огромной армии. Наполеон не мог не видеть этой диспропорции, но, видимо, решил исправить ее за счет принципа «война должна кормить сама себя».

Что касается двух его задержек в Вильно и в Витебске, то они были абсолютно неизбежны, хотя, вероятно, их можно было бы несколько сократить. Они были обусловлены резким ростом небоевых потерь и отставанием обозов. Этих остановок, так же как и более краткой остановки в Смоленске, избежать было нельзя из-за плачевного состояния войск. Другой вопрос, почему они оказались в таком состоянии? При ответе на него приходится возвращаться к первой ошибке императора и к применявшейся русскими «скифской тактике». Гораздо более серьезная, воистину роковая ошибка была допущена Наполеоном во время его «московского сидения». Поддавшись на уловку Кутузова, он, ради заключения мира, слишком затянул пребывание в Москве и в итоге погубил ядро своей армии. Именно здесь «лис севера», как и обещал, обхитрил Бонапарта. Здесь же политик в очередной раз победил в Наполеоне полководца — ему нужен был «мир во что бы то ни стало». Последнюю ошибку он совершил незадолго до переправы через Березину, когда приказал уничтожить понтоны.

9. С начала ноября вступил в действие и такой союзник русских, как «генерал Мороз». Этот фактор вовсе не следует сбрасывать со счетов, ибо сами же русские участники войны понимали, что своеобразные климатические условия будут играть им на руку, и даже неоднократно предупреждали об этом противника^{xx}. Перед войной Александр I сказал А. Коленкуру: «Француз храбр, но долгие лишения и плохой климат утомляют и обескураживают его. За нас будут воевать наш климат и наша зима»^{xxi}. Не раз указывали на это Вильсон, другие генералы и офицеры, да и сам фельдмаршал^{xxii}. У Вязьмы и Дорогобужа холод, действительно, был небольшим, однако нужно учитывать, что неприятельские солдаты были уже крайне ослаблены голодом^{xxiii}. К тому же зима в том году выдалась самой морозной (на 5—8° ниже нормы). Но мороз также не был первопричиной, ибо Наполеон был обязан и имел время принять меры, чтобы подготовить армию к зиме.

10. Одной из важных причин русской победы следует признать *твердую решимость Александра I не заключать мира с Наполеоном*, пока его армия не покинет пределов Российской империи. В условиях абсолютной монархии, когда решение важнейших военно-политических решений зависело от воли монарха, эта решимость значила многое^{xxiv}. Царь не потерял твердости духа даже после захвата противником Москвы и вселял эту решимость в своих подданных, отчитывая И.Л. Тутолмина, Кутузова и некоторых генералов за то, что они завязывали переговоры с неприятелем.

Итак, мы выделили 10 «слагаемых» русской победы. Но нужно отметить, что два из них — территория и климат — это *объективные* «стихийные факторы», негативное воздействие которых Наполеон мог и должен был минимизировать. Отступив в глубь страны и затянув войну, русское командование сумело воспользоваться этой объективной данностью, которую Наполеон недооценил. Все прочие факторы относятся к субъективным, т. е. были сознательно приведены в действие людьми. Наконец, как на любой войне, на ее исход повлияли и неизбежные случайности.

Возвращаясь к строкам великого поэта заметим, что не стоит быть буквалистом и обязательно искать *единую первопричину* русской победы. Перечисленные им «источки

победы» действовали все, но не одновременно, и вряд ли вообще возможно, как на аптекарских весах, взвесить вклад каждого из них в дело победы. Ясно, что не народные дружины и ополчения истребили большую часть захватчиков, и даже не партизанские отряды, но чрезвычайному ослаблению их все они конечно же способствовали. *Причина катастрофически быстрой гибели «нашествия» состояла в том, что на него за короткий период воздействовали все перечисленные факторы.* Вряд ли иначе можно было одолеть столь многочисленное «ополчение» почти всей Европы во главе с гениальным полководцем. Причем в этом не было никакой стихийности или случайности (за исключением, проливных дождей в начале июля или оттепели в конце ноября). Все было предусмотрено и претворено в жизнь русским командованием, заранее осознавшим, что одолеть противника можно лишь с помощью «войны необыкновенной».

Все эти факторы не являлись тайной и для Наполеона, их воздействие предвидели его маршалы, генералы и офицеры. В силах императора было минимизировать их влияние, но он, полагаясь на силу своего гения, упорно манкировал ими. Великая армия была создана для достижения чисто политических целей и была погублена своим вождем, в котором *политик явно «подмял под себя полководца».* Наполеон, изначально одерживая тактические победы, в стратегическом плане проигрывал. Он совершал одну ошибку за другой, а русские провоцировали его на это. 27 октября Вильсон написал: «Не беру на себя смелость предсказать, на что решится Бонапарт, *после всех своих грехов противу военного искусства*»^{xv}. Наполеон и сам в итоге признался: « В этой кампании нам суждено делать одни только ошибки».

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ *Земцов В. Н.* Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург, 2001. С. 464.

ⁱⁱ *Kukiel M.* *Wojna 1812 roku.* Krakov, 1937. Т. Н. 5. 497-498. По подсчетам Ж. Шамбре, из 678080 человек границу перешло 647158 человек, из которых нестроевые составляли 6% (*Земцов В. Н.* Указ. соч. С. 134, 491). Но расчеты Кукеля точнее, ибо основывались на гораздо большей по объему и более достоверной источниковой базе.

ⁱⁱⁱ *Reboul F.* *Campagne de 1813: les preleminaries.* P., 1910. Vol. I. P. 139-140.

^{iv} *Kukiel M.* Op. cit. S. 498-499.

^v Помнению Н. А. Троицкого, из почти 600-тысячной армии спаслись едва ли 30 тыс. человек (*Троицкий Н. А.* 1812: Великий год России. М., 1988. С. 300).

^{vi} *Berthézène P.* *Souvenirs militaires.* Vol. II. P., 1855. P. 200; *Roguet F.* *Mémoires militaires.* P., 1865. Vol. IV. P. 485; Маркхэм Д. Роковые ошибки Наполеона: просчеты и нерешительность // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 2000. С. 148.

^{vii} Н. А. Троицкий писал: «Именно общенациональный подъем народных масс, выступивших на защиту Отечества, стал главной причиной победы России в войне 1812 г., а народ русский (включая, естественно, и крестьян, одетых в солдатские мундиры) — главным героем войны» (*Троицкий Н. А.* Указ. соч. С. 306).

^{viii} *Соколов О.* Армия Наполеона. СПб., 1999. С. 350-354. Эту идею высказывал еще П. Андреев. «Поразительна та быстрота, — писал он, — с которой стала разлагаться армия Наполеона после выхода из Москвы, и в этом — неопровержимое доказательство губительного влияния на нее московской стоянки». Он считал, что быстрое разложение не приятельской армии до Смоленска нельзя объяснить ни морозами, которых еще не было, ни голодом, который она испытывала уже давно, а именно ее разложением в Москве. «Дело заключалось вовсе не в том, что пожар будто бы совершенно лишил наполеоновскую армию квартир и запасов продовольствия», так как «и после пожара Наполеон располагал в Москве и квартирами для помещения войск, и достаточными запасами продовольствия. Но зато московский пожар разложил и деморализовал французскую армию. Мародерство французской армии в опустевшей и сожженной Москве, усилив процессы разложения, поставило ее на краю гибели» (*Андреев П. Г.* Народная война в Смоленской губернии в 1812 г. Смоленск, 1940. С. 49-50, 52-56).

^{ix} *Земцов В. Н.* Указ. соч. С. 464.

^x Б. Кастеллан записал в дневнике 22 августа: «Русские отступают в порядке, они сжигают мосты, деревни; они пощадил Польшу, но опустошают Россию, это кажется странно». Коленкур писал, что в ноябре в районе Орши «местность была значительно лучше, чем между Москвой и Смоленском, т. е. гораздо менее истощенная, и жители по большей части оставались на месте» (*Castellane V.* — *Е. В.* *Journal de Marechal de Castellan.* P., 1896. Т. 1. P. 140; *Коленкур А. де.* Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991. С. 246).

^{xi} *Троицкий Н. А.* Указ. соч. С. 309.

^{xii} Шведов С. В. О плане отступления русской армии вглубь страны в 1812г.// Тезисы научной конференции «Отечественная война 1812г.:Россия и Европа». Бородино, 1992. С.39.

^{xiii} «Планы завлечь неприятеля в недра своего Отечества, — считал А. П. Торماسов, — есть мысль ужасная для всякого, кто его истинно любит. Можно ли хладнокровно решиться пустить разбойника в свой дом, оттого, что он, убив отца, мать, жену, детей, истощит свои силы». С такой оценкой «скифской тактики» солидаризировалась Л. Ивченко (*Ивченко Л. Л.* «Полководец» А. С. Пушкина: поэтический образ и исторические реалии // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 2000. С. 98—99).

^{xiv} В начале июля в разговоре с В. Лёвенштерном Мюрат спросил его: «Наше вторжение в ваши области не отвратило еще вас от войны? — Напротив, это возбуждает наш патриотизм; к тому же пространства у нас, благодаря Бога, достаточно, и мы отступаем лишь для того, чтобы лучше разбежаться и прыгнуть» (Русская старина. 1900. № И. С. 345).

^{xv} Шведов С. В. Комплектование, численность и потери русской армии в 1812 г. // История СССР. 1987. № 4. С. 138.

^{xvi} П. И. Багратион считал, что «милицию лучше раздать нам в полки. А ежели одних пустить, то плохо будет». Полковник Ф. В. Назимов так оценивал качества пополнения: «Касательно же воинов московского ополчения, то они вовсе о службе и понятия никакого не имеют» (*Шведов С. В.* Москва в Отечественной войне 1812 г.: «Чудный жребий» // Калужская губерния на II этапе Отечественной войны 1812 г. Малоярославец, 1998. С. 35-37).

^{xvii} Рассказывая о беседах Милорадовича с Мюратом на аванпостах, Вильсон писал: «Начало, середина и конец всех *этих* бесед был "мир", но, как говорил Милорадович Мюрату: "Насколько вы желаете его, настолько же мы предпочитаем войну"». Генерал Ф. К. Корф встретился на аванпостах с генералом А. Ля Уссе, во время которого последний заметил: «Нам и впрямь совсем уже надоела эта война, давайте наши паспорта и мы удалимся». — «Ну, уж нет, генерал, вы явились без приглашения, так и уходите, не прощаясь». — «Очень жаль, — отвечивал француз, — что двум уважающим друг друга народам приходится вести истребительную войну». В итоге Ля Уссе констатировал: «Я вижу, сейчас бесполезно говорить с вами о мире» (*Вильсон Р. Т.* Дневники и письма, 1812-1813. СПб., 1995. С. 71, 162, 170).

^{xviii} К чести России: Из частой переписки 1812 г. М., 1988. С. 186.

^{xix} *Маркхэм Д.* Указ. соч. С. 149-160.

^{xx} 12 сентября русский офицер, посланный парламентаром, сказал французскому капитану: «Мы также, как и вы, прекрасно знаем, что будем побиты. *Мы ждем спасения только от зимы, которая вознаградит нас сторицею. Зима и голод, — предсказывал он мне, — будет такое оружие, против которого вы не сможете бороться.* Поверьте мне, — говорил он, — я знаю климат своей страны». В день вступления в Москву с А. Муральтом заговорил один хорошо одетый человек. «Он бы немецким профессором, — вспоминал лейтенант, — и состоял на службе в Московском университете. Естественно, он тотчас перешел к войне, занятию Москвы и т. д. Его мнение исходило из того, что император Александр не заключит мира, у него нет недостатка в средствах, если даже вторая столица империи окажется в руках противника; *приближающаяся зима также вероятно принудит французов к отступлению.* Русских не знают, если думают, что их можно так легко поработить». Хохберг писал, что он «квартировал у отставного русского генерала по имени Чорба; он подсказывал мне, что климат уничтожит французскую армию, что, к сожалению, полностью сбылось» (Французы в России. М., 1912. Т. 1. С. 172; *Muralt A. Der Marsch nach Moskau* // Muralt A., Legler Th. Berezina. Bern, 1942. S. 70–71; *Denkwürdigkeiten des Markgrafen Wilhelm von Baden.* Heidelberg, 1906. S. 157)

^{xxi} *Коленкур А. де.* Указ. соч. С. 43.

^{xxii} 30 сентября (12 октября) Н. Лавров написал Аракчееву: «Мы уверены, что когда к нам подойдут *верные наши союзники, мороз и снег;* то сим проклятым, богомерзким французишкам не выдать Франции». 4 октября Вильсон заметил: «Мы привыкли к климату, он много должен опасаться». Он писал 13 октября, что «уже показался авангард самого могущественного союзника нашего, генерала Мороза», 27 октября продолжал: «Дружественная нам зима уже совсем близко» (*Дубровин Н.* Отечественная война в письмах современников. СПб., 1882. С. 212; *Вильсон Р. Т.* Указ. соч. С. 74, 85, 157, 180, 198, 200).

^{xxiii} Пленным французам генерал Уваров нарисовал печальную картину их будущего: «Холода, непривычные для вас и, к тому же, более суровые, чем обычно, уничтожат вас быстрее, чем русская артиллерия и казаки». Затем пленные были представлены Кутузову. «Князь выразил, — писал Р. Вьейо, — сочувствие к нашей несчастной судьбе, сказал, как и генерал Уваров, что мы подвергнемся еще большим страданиям, что все позади них опустошено, что суровая стужа не оставит ни одного из нас в живых». (*Viellot R. Souvenirs d'un prisonniers en Russie.* Luneray, 1996. P. 153, 165).

^{xxiv} *Троцкий Н. А.* Указ. соч. С. 307.

^{xxv} *Вильсон Р. Т.* Указ. соч. С. 199.